

УДК 930.1

Л. А. Гаман

ИСТОРИКО-РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И. А. ИЛЬИНА: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ

Рассматриваются некоторые аспекты теоретико-методологических представлений русского религиозного мыслителя И. А. Ильина (1883–1954 гг.). Выявляется своеобразие его исследовательской стратегии, базированной на синтезе религиозно-философского и собственно научного подходов. Затрагиваются некоторые его представления о российской истории.

Ключевые слова: религиозная философия истории, российская история, национальная идея.

Русский религиозный мыслитель, философ, правовед, видный общественный и политический деятель Русского зарубежья Иван Александрович Ильин (1883–1954 гг.) принадлежит к числу ярких представителей российской культуры XX в. Его богатейшее творческое наследие не перестает привлекать внимание исследователей, принадлежащих к различным направлениям гуманитарного знания [1, 2]. Подобный интерес в немалой степени объясняется междисциплинарной природой теоретических построений ученого, что позволяло ему учитывать полисемантическую природу процессов и феноменов, к изучению которых он обращался. Это особенно ярко проявилось в его историко-философской концепции, основное содержание и направленность которой определялись двумя важнейшими для него темами, коррелятивно связанными между собой: природа кризиса европейской цивилизации и судьбы российской культуры в мире. Систематическое изучение данных тем позволило И. А. Ильину сделать немало ценных выводов, например, о факторах, обусловивших специфику развития «долгого XX века». Не менее важными являются также его изыскания в области российской культуры, не потерявшие актуальности и научной значимости до настоящего времени. В этой связи представляется актуальным освещение некоторых аспектов его теоретико-методологических представлений, существенных для понимания его историко-философской концепции.

Подобно другим представителям отечественной религиозно-философской мысли, И. А. Ильин в своих изысканиях руководствовался идеалом «цельного знания», в соответствии с которым «знание» и «вера» рассматривались как генетически связанные и взаимодополняющие друг друга начала. В одной из работ он сформулировал свое исследовательское кредо: «...истинная ученость не уходит от Бога, а ведет к Нему» [3, с. 58]. Очерчивая границы научного знания (представление о пределах собственной компетенции являлось для И. А. Ильина обязательным признаком истинного ученого [4, с. 533]), он отмечал: «...положительная наука, если она стоит на высоте, не преувеличива-

ет ни своего объема, ни своей достоверности и совсем не пытается судить о предметах веры... Ее граница – чувственный опыт; ее метод – объяснять все явления естественными законами и стараться доказать каждое свое суждение. Она держится за этот опыт и за этот метод, отнюдь не утверждая, что они всеобъемлющи и исчерпывающи, и отнюдь не отрицая того, что можно достигнуть истины в другой области при помощи *другого опыта и другого метода*» [3, с. 63–64]. Неверная постановка проблемы «знание – вера», как взаимоисключающих начал, полагал ученый, на практике неизбежно вела не только к отклонению от истины и к упрощенным представлениям о бытии, но и к сужению возможностей для свободного научного поиска.

Исследовательский подход И. А. Ильина базировался на синтезе собственно научного метода с характерными для него принципами объективности и верифицируемости с религиозно-духовным постижением истории. Так, в качестве ученого, придерживавшегося стандартов сциентизма, он внимательно относился к фактографической стороне своих изысканий. При этом он учитывал сложность природы исторического факта как жизненного явления, порой развивающегося по собственной логике [4, с. 419–420]. Это предполагало комплексное исследование исторического контекста как важного условия объективной интерпретации факта. Заметим попутно, что именно в сложности такого анализа И. А. Ильин видел наиболее уязвимое место сравнительно-исторического метода: нередко внешне тождественные явления в различных исторических контекстах обладают, как он справедливо подчеркивал, неодинаковыми смыслами. В этой связи он, например, считал научно некорректными аналогии между стилем царствования Ивана Грозного и правлением Сталина [5, с. 210].

Подлинно панорамное видение истории, согласно И. А. Ильину, могло быть достигнуто лишь с учетом религиозно-духовной составляющей ее природы. Оптимальным методом постижения этой последней ему представлялся *интуитивный метод*, предполагавший «созерцательное погружение души в жизненное наблюдение и в смысл со-

бранного жизненного опыта» [4, с. 463]. Детализируя этот свой подход, И. А. Ильин писал в одной из поздних работ, посвященных сравнительно-историческому анализу монархии и республики: «Исследователь должен вчувствоваться в описываемое настроение, воззрение или убеждение; он должен – совершенно независимо от своих личных симпатий, – лично пережить, перечувствовать как сильные, так и слабые стороны монархического и республиканского правосознания» [4, с. 454]. Важным условием успешного применения этого герменевтического по своей сути метода, согласно И. А. Ильину, являлось умение контролировать свои политические предпочтения. «Исследователю необходимо, – подчеркивал он, – не только интуитивное вчувствование, но и партийное беспристрастие, справедливость и политический такт» [4, с. 455]. Описанный подход впервые был применен И. А. Ильиным в его комплексном анализе Русской революции, озвученном в речи на общем собрании Московского юридического общества при Московском университете весной 1922 года [6]. Впрочем, декларация ученым этой исследовательской установки, к сожалению, не всегда совпадала с демонстрацией ее практического применения, свидетельством чего служит его интерпретация Русской революции и советской истории, воспринимавшаяся им исключительно негативно в эмигрантский период творчества. Причиной тому послужило не только религиозно-духовное, но и политическое их отвержение мыслителем [7].

Следуя классической христианской парадигме истории, И. А. Ильин настаивал на провиденциальном характере исторического процесса, что предполагало признание его внутренней закономерности, обусловленной заложенными в нем «божественными силами и заданиями» [8, с. 202]. Здесь коренятся истоки глубокой убежденности И. А. Ильина в существовании исторической преемственности – «духовного преемства» [3, с. 206–207], столь необходимого условия поступательного развития народа. Провиденциально обусловленная направленность исторического процесса, согласно И. А. Ильину, предполагала наличие священных целей жизни – «Богом ведомой целесообразности» [4, с. 476], – придающих ему смысл. В этой связи он подчеркивал: «...судьбы народов и государств имеют еще иное, более глубокое измерение, открытое религиозному духу и закрытое для безбожной души. И пребывание в этом измерении открывает особый смысл у всех стратегических, исторических и политических событий» [9, с. 281].

В историко-философской концепции И. А. Ильина одно из важных мест занимает идея «многоединства во Христе», также являвшаяся традиционной для русской религиозной мысли. В его кон-

цепции эта идея предполагала признание социокультурной уникальности отдельных народов как естественного воплощения христианской идеи единичности личности. Он писал: «...христианство подарило миру идею личной, бессмертной души, индивидуальной по своему дару и по своей ответственности, особой в грехах, самодеятельной в покаянии и в любви, т. е. идею *метафизического своеобразия человека*. Согласно этому – идея *метафизического своеобразия народа* есть лишь верное и последовательное развитие христианского понимания» [10, с. 325]. Такая уникальность – «самобытность национально-духовного лица», обусловленная исторически и метафизически, эксплицированная в достижениях культур, рассматривалась им и как некое фильтрующее начало, определявшее пределы инокультурных заимствований, непродуманность которых вела, по его справедливому убеждению, к многочисленным модернизационным «срывам» культур-реципиентов.

Связывая духовный уровень бытия с онтологическими глубинами, с Богом, теоретически опираясь в таком восприятии истории на философию Гегеля, он настаивал на существовании духовных содержаний мира – «духовных сущностей», – оказывающих непосредственное воздействие на ход истории. Поясняя свою религиозно-философскую позицию и одновременно проливая свет на свою исследовательскую технологию, ученый писал: «При нравственном и религиозном подходе “внешнее” оценивается исключительно как *знак* “внутреннего”, т. е. устанавливается ценность не “внешнего”, а “*внутреннего, явленного во внешнем*”, и далее, внутреннего, *породившего* возможность такого внешнего проявления» [8, с. 44].

В своих произведениях он последовательно отстаивал тезис об определяющем влиянии «духовных сущностей» на становление оригинальных структур «*национального духа*» – «*национально-духовного акта*» – отдельных народов. Это одно из ключевых понятий И. А. Ильина, тождественное по своему смыслу современному понятию «*цивилизационное ядро*», охватывает все манифестации народной жизни, начиная от особенностей эмоциональных проявлений в жизни народа и заканчивая его представлениями о мироздании. По его убеждению, такая внутренняя связь являлась тотальной, в том или ином виде сказывавшейся на всех проявлениях исторического бытия народа, включая форму его государственного устройства. При этом основным скрепляющим фактором провозглашалась религиозная вера.

Развивая идеи М. Вебера о значении религии для исторического развития народа, И. А. Ильин сформулировал один из основных своих методологических принципов. «Тот, кто хочет понять сущ-

ность и своеобразии какого-нибудь народа, – писал ученый, – поступит правильно, если попытается заглянуть в сферу его религии и веры, и особенно прочувствовать «прафеномен» этой религии и творчески осмыслить его... Следовательно, везде есть свои фундаментальные религиозные установки, свои прафеномены, которые служат как бы ключом к пониманию культуры данного народа и его истории» [11, с. 468]. По его мнению, «прафеномен» следовало рассматривать как «концентрированное выражение веры», так или иначе пронизывающее все сферы жизни общества. Так, в состав основных «прафеноменов» православного духовного типа он включал «молитву, старчество, праздник Пасхи, почитание Богородицы и святых, иконы» [11, с. 469]. В неразрывной связи с «первофеноменами» находились, по И. А. Ильину, ключевые установки православного духовного типа. К их числу он относил «сердечное созерцание», «любовь к свободе», «детскую непосредственность», «живую совесть», «волю к совершенству во всем», «веру в божественное становление человеческой души и природы, смирение, терпение и стремление к душевному очищению» [11, с. 469]. Эти прафеномены и установки, составившие основу русского религиозного сознания, согласно И. А. Ильину, определили матрицу отечественной культуры. Приверженность русского народа сакральным ценностям способствовала становлению специфического типа культуры – культуры «сердца, совести и чувства», являвшейся на протяжении столетий резервуаром подлинной духовности. Ее фундамент составили «созерцание», «чувственность», «служение», «самоотречение и жертвенность», «вера и молитва», «храбрость и подвижничество» [12, с. 17]. Русский максимализм, полагал ученый, изначально также был связан с православной духовностью, с ведущей направленностью русского религиозного сознания на преобразование мира [11, с. 402]. Без этих свойств, подчеркивал И. А. Ильин, равно как без «организаторской способности» русского народа, едва ли могло быть создано Российское государство [11, с. 412]. Важным свойством русского человека, сложно связанным с православным духовным типом, ученый считал его большую внутреннюю свободу. Специфическими проявлениями этой последней, по его мнению, стали характерные для россиян «развитое чувство юмора» и «самоирония».

С этим корпусом историко-философских размышлений И. А. Ильина связаны его представления о национальной идее, отождествлявшейся им с национально-государственной идеей. Стержень его версии «русской идеи» составила идея **«Богу служащей и потому священной родины»**, которая была сформулирована в 1927 г. в редактировавшем-

ся им журнале «Русский колокол» [13, с. 5]. В интерпретации ученого ее внутренняя динамика и социальная влияние достигалась за счет отождествления с «русским делом», которое, в свою очередь, рассматривалось им одновременно в качестве **«религиозного, национального и государственного»** (выделено И. А. Ильиным. – Л. Г.) служения народа [14, с. 9–10]. Игнорирование генетической связанности этих трех компонентов, в значительной степени определяющих идентичность народа, неизбежно вело к «срывам» в развитии национального организма, способствуя его обезличению, что представляло прямую угрозу его историческому бытию. Яркой иллюстрацией трагических последствий пренебрежения национальной идеей для И. А. Ильина выступало социально безответственное поведение интеллигенции в предреволюционный период и в годы революции в России, которое способствовало разрушению в сознании народа таких ценностей, как совесть, правосознание, патриотизм, чувство долга и ответственности. Исключение из состава ценностей русской интеллигенции «великой национальной идеи», по мнению И. А. Ильина, было сложно связано с ее беспочвенностью, как социальной, так и духовной, и отсутствием у нее «государственного смысла и воли» [14, с. 6].

Идея служения Богу и «делу Божьему» на земле, полагал И. А. Ильин, в своем истинном содержании означала принятие своей религиозной судьбы и связанного с ней призвания и бескомпромиссное следование им. Религиозно подкрепленное служение в его интерпретации становилось весомым фактором социального развития, скрепляющим общество едиными для всех сверхличными целями и ценностями и способствующим его дальнейшему совершенствованию. Напротив, десакрализация идеи служения, в том числе в сфере государственной, вела к формализации социальных связей и их ослаблению. Согласно И. А. Ильину, одним из цивилизационных признаков отечественной культуры, длительное время обеспечивавших ее устойчивость, являлось характерное для нее понимание власти как религиозного служения, воспитанное Православной церковью. Он называл такое понимание «русской национальной идеей власти, выношенной русской историей и освященной православным христианством» [15, с. 373]. Яркими примерами высоко ценимого И. А. Ильиным государственного служения для него выступали Петр Великий, с именем которого он связывал закрепление понимания «служения» как «дела Божьего», не терпящего «небрежения», и Александр II [4, с. 464]. Неизменно высоко он также оценивал деятельность П. А. Столыпина.

Таким образом, исследовательская стратегия И. А. Ильина, полидисциплинарная по своей при-

роде, предполагавшая не только изучение эмпирической истории, но и внимательное отношение к ее религиозно-духовной составляющей, позволяла учитывать полисемантическую природу истории, ее большую сложность и противоречивость. Мно-

гие выводы И. А. Ильина носят полемический характер, однако следует признать, что его историко-религиозные размышления побуждают к более вдумчивому отношению к истории, в том числе российской.

Список литературы

1. Мальцев К. Г., Мальцева А. В. «Философия свободы» и соблазн христианского государства / Н. А. Бердяев и И. А. Ильин. М.: МАКС Пресс, 2001. 336 с.
2. Киселев А. Ф. Иван Ильин и его поющее сердце. М.: Университетская книга; Логос, 2006. 324 с.
3. Ильин И. А. Путь духовного обновления // Ильин И. А. Собр. соч.: в 10 т. / сост., вступ. ст. и комм. Ю. Т. Лисицы. М.: Русская книга, 1996. Т. 1. С. 39–284.
4. Ильин И. А. О монархии и республике // Там же. 1994. Т. 4. С. 415–544.
5. Ильин И. А. Коммунизм и мировой порядок // Там же. 1998. Т. 7. С. 188–222.
6. Ильин И. А. Основные задачи правоведения в России // Там же. 1999. Т. 9–10. С. 201–230.
7. Гаман Л. А. И. А. Ильин о революции 1917 года в России // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2007. Вып. 3. С. 131–136.
8. Ильин И. А. О сопротивлении злу силою // Ильин И. А. Собр. соч.: в 10 т. / сост. и комм. Ю. Т. Лисицы. М.: Русская книга, 1996. Т. 5. С. 31–220.
9. Ильин И. А. Государственный смысл Белой армии // Там же. 1999. Т. 9–10. С. 281–300.
10. Ильин И. А. Основы христианской культуры // Там же. 1996. Т. 1. С. 285–332.
11. Ильин И. А. Сущность и своеобразие русской культуры. Три размышления // Там же. Т. 6, кн. II. С. 373–620.
12. Ильин И. А. О России. Три речи. 1926–1933 // Там же. С. 7–36.
13. Ильин И. А. Русский колокол // Русский колокол. 1927. № 1. С. 4–5.
14. Ильин И. А. О русской интеллигенции // Там же. № 2. С. 3–10.
15. Ильин И. А. Основы борьбы за национальную Россию // Ильин И. А. Собр. соч.: в 10 т. / сост. и ком. Ю. Т. Лисицы. М.: Русская книга, 1999. Т. 9–10. С. 317–396.

Гаман Л. А., доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой.

Северский технологический институт – филиал Национального исследовательского ядерного университета «Московский инженерно-физический институт».

Пр. Коммунистический, 65, Северск, Томская область, Россия, 636036.

E-mail GamanL@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 08.09.2011.

L. A. Gaman

HISTORICAL AND RELIGIOUS VIEWS OF I. A. ILYIN: SOME ASPECTS OF PROBLEM

In the article historical and religious views of the Russian religious thinker I. A. Ilyin (1883–1954 гг.) are examined. The article shows the originality of his research strategy, based on synthesis of religiously-philosophical and scientific point of view. In this article some aspects of historical-philosophical ideas of I. A. Ilyin about Russian history are considered.

Key words: *religious philosophy of history, Russian history, national idea.*

Seversk Technological Institute of National Nuclear University “Moscow Engineering-Physical Institute”.

Pr. Kommunistichesky, 65, Seversk, Tomsk region, Russia, 636036.

E-mail GamanL@yandex.ru